

Азарёнок Н.К.

РОССИЯ ФЕДЕРАЦИЯСЫНЫН КЫЛМЫШ-ЖАЗЫК-ПРОЦЕССИК
КОДЕКСИН ӨРКҮНДӨТҮҮНҮН КЕЛЕЧЕГИ

Азарёнок Н.К.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

N. Azarenok

PROSPECTS FOR IMPROVEMENT OF THE CRIMINAL PROCEDURE
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

УДК: 343.1

Макалада өткөн кылмыдын 80-жылдарындагы Россияда баишталган демократиялык өзгөрүүлөрдүн, алардын алкагында юристтердин кылмыш-жаза өндүрүшү, анын өнүгүүсүнө болгон көз караш боюнча эки жаатка бөлүнгөнү аныкталган. Биринчилери, советтик укуктун жактоочулары болушуп, анын андан ары дал ошол нукта өнүгүүсүн жакташкан. Экинчи топтогулар кылмыш-жаза өндүрүшүн түп-тамыры менен өзгөртүп, калыптанган юридикалык механизмдерди англо-саксон укуктук моделдин негизинде, жаңы кылмыш-жаза сот өндүрүшүн калыптоого аракет кылгандар болушканын автор маалымдайт. Тез арада, жаңыдан 2001-жылы иштелип чыккан Россиянын жаңы кылмыш-жаза кодексинин авторлору, конституциялык талапка ылайык, сот өндүрүшүнө туруктуулукту жана атаандаштыкты киргизишти (Россия Федерациясынын Конституциясы 3-бөлүк 123-берене). Авторлор аталган жоболорго ылайык максималдуу түрдө сотко чейинки жана сот өндүрүшүндөгү кылмыш жаза жараянында ишке ашуучу мүмкүнчүлүктөрдү берген. Бул жаңылыктар сот жараянын күнөөкөрдү тышкы таасирлерден сактоодон бошоткон, ошол эле кезде мындай жаңылыктар сотко чейинки өндүрүштө анча деле чоң өзгөрүүлөр болбогонун автор баса белгилейт. Макалада жарыя болгон идеялар менен реалдуу укуктук жоболордун концептуалдык карама-каршылыктары, РФ КЖК көптөгөн оңдоолор, түзөтүүлөр жана өзгөртүүлөр киргизилгени автор тарабынан баса белгиленет. Бирок ошол эле кезде, андай өзгөрүүлөрдөн кийин учурдагы кылмыш жаза жараянында, англо-саксон укуктук моделдин негизиндеги сапаттуу трансформация байкалбайт, тетирисинче континенталдык аралаш (атаандаштык эмес) форма байкалат. Сотко чейинки өндүрүш дагы эле эки стадиядан туруп, ал эми кылмыш-жаза процессуалдык ишмердүүлүк иликтөөчүлүк мүнөзгө ээ болуп калган. Ошол эле кезде аталган өзгөрүүлөр жана тенденциялар азыркы убакка чейин толук, тиешелүү түрдө ойлонуштурулган эмес. Ошентип, макалада автор тарабынан коомдук карым-катнаштардын өнүгүү векторуна негизделип, азыркы россиялык кылмыш-жаза кодексине, жараянына, анын натыйжасыз революциялык реформаларынан кийинки, Россияга жат проамерикалык форманын кереги жоктугу, жогорудагылардын негизиндеги коомдук укуктун жана жеке кызыкчылыктын балансы тууралуу идея кеңири каралган.

Негизги сөздөр: түрү, формасы, кылмыш-жаза өндүрүшүнүн модели, атаандаштык, коомдук, акыйкаттык, кызыкчылыктар балансы.

В статье отмечается, что в ходе демократических преобразований, начатых в России в конце 80-х гг. прошлого века, подходы юристов к реформированию отечественного уголовного производства разделились на сторонников советского курса развития права и тех, кто выступал за коренные преоб-

разования сложившихся юридических механизмов на основе англосаксонской модели уголовного судопроизводства. Авторы нового российского Уголовно-процессуального кодекса, постепенно разработанного в 2001 г., придали конституционному требованию состязательности судопроизводства (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) максимально широкое значение, включив в него не только судебные, но и досудебные стадии уголовного процесса. Эти новшества освободили судебные стадии от внешних проявлений обвинительного уклона, но при этом характер досудебного производства принципиальных изменений не претерпел. Концептуальное противоречие между провозглашенной идеей и реальными правовыми положениями повлекло внесение в УПК РФ большого количества дополнений и изменений. Однако в них не обнаруживается признаков качественной трансформации существующего уголовного процесса континентального смешанного (не состязательного) типа в англосаксонскую состязательную форму. Досудебное производство по-прежнему функционирует в двухстадийной структуре, а содержание уголовно-процессуальной деятельности в нем носит розыскной характер. Но при этом причины и тенденции происходящих преобразований до настоящего времени в достаточной мере не осмыслены. В статье обосновывается вектор развития общественных отношений, единственно приемлемый для современного российского уголовного процесса после неудачи его революционного реформирования в чуждую нам проамериканскую форму и состоящий в идеи баланса публичного и частного интереса.

Ключевые слова: тип, форма, модель уголовного производства, состязательность, публичность, диспозитивность, истина, баланс интересов.

The article notes that in the course of democratic reforms that began in Russia in the late 80th. of the last century, the approaches of lawyers to reforming domestic criminal proceedings were divided into supporters of the Soviet course of development of law and those who advocated a radical transformation of the existing legal mechanisms based on the Anglo-Saxon model of criminal justice. The authors of the new Russian Code of Criminal Procedure, hastily developed in 2001, gave the constitutional requirement for adversarial proceedings (Part 3, Article 123 of the Constitution of the Russian Federation) the widest possible meaning, including not only judicial but also pre-trial stages of the criminal process. These innovations freed the judicial stages from external manifestations of the accusatory bias, but at the same time, the nature of the pre-trial proceedings did not undergo fundamental changes. The conceptual contradiction between the proclaimed idea and the real legal provisions led to the introduction of a large number of additions and changes to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. However, they do not reveal signs of a qualitative transformation of the existing criminal process of the continental mixed (non-adversarial) type into the Anglo-Saxon adversarial form. Pre-trial

proceedings still function in a two-stage structure, and the content of criminal procedural activity in it is of a search character. But at the same time, the causes and trends of the ongoing transformations have not been sufficiently comprehended to date. The article substantiates the vector of development of public relations, the only one acceptable for the modern Russian criminal process after the failure of its revolutionary reformation into a pro-American form alien to us and consisting in the idea of a balance of public and private interests.

Key words: *type, form, model of criminal proceedings, competitiveness, publicity, optionality, truth, balance of interests.*

К 1991 году в нашей стране по-прежнему действовало смешанное уголовное судопроизводство с разделением на досудебный и судебный этапы. Произошедшие дальше события, ознаменовавшие построение правового и демократического государства с приоритетной защитой прав и свобод человека (ст. 2 Конституции РФ), обусловили необходимость реформирования уголовного судопроизводства. При этом рассматривались два возможных варианта.

Согласно первому из них, поддержанному рядом ученых [1], «ядро» смешанного уголовного процесса оставалось неизменным и дополнялось лишь различными правообеспечительными механизмами, такими как создание независимого и беспристрастного суда, обеспечение равноправия сторон в суде, введение судебного контроля за ограничением конституционных прав и свобод, наделение каждого правом на получение квалифицированной юридической помощи, расширение правомочий защитника и т.д. В итоге любой человек в таком производстве, в каком бы процессуальном статусе он не находился, обладал всеми необходимыми правами и свободами. Работа в данном направлении была начата еще в период так называемой «перестройки». В частности, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве от 13 ноября 1989 г. впервые расширили перечень прав граждан, защищаемых судом, отнес к ним «социально-экономические, политические и личные права и свободы» (ст. 2, 7). Допускалось участие защитника на предварительном следствии с момента задержания, ареста подозреваемого или предъявления обвинения. Вводились суд присяжных и принцип презумпции невиновности (ст. 11, 14). Одновременно был принят целый ряд иных законов, направленных на обеспечение прав и свобод человека и гражданина [2].

При этом тип уголовного судопроизводства оставался прежним – смешанным с доминированием публичности и материальной истины как целью доказывания. Однако устранялся главный его недостаток – низкий уровень защищенности личности в уголовном процессе. Таков эволюционный путь, основанный на правопреемственности законодательства, учете правовых традиций и опыта правоприменительной практики. Его выбрал целый ряд стран Западной Европы.

В другом случае ученые предлагали пересмотреть содержание сущностных компонентов сложившейся процессуальной модели [3]. В соответствии с этим не публичный, а частный интерес занимал ведущее положение в процессе, что повлекло бы за собой замену цели доказывания на формальную истину. В результате форма уголовного судопроизводства преобразовалась в состязательную. Это наиболее сложный и затратный вариант, поскольку приходится реформировать базис уголовного процесса, внедрять ранее не применявшиеся технологии, а самое главное – изменять психологию правоприменителя, складывающуюся десятилетиями.

Обращение с этих позиций к УПК РФ позволяет заключить, что в нем нет ясного ответа на вопрос о модели нашей уголовно-процессуальной деятельности. С одной стороны, в УПК РФ впервые в ст. 15 в качестве принципа уголовного судопроизводства закреплена состязательность, обусловившая разделение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, отделение суда от обвинения, равноправие спорящих сторон и т.д. Между тем из текста статьи неясно, относится ли данное требование только к судебным стадиям или распространяется на весь уголовный процесс, охватывая досудебное его производство. Это связано с тем, что в ч. 1 ст. 15 УПК РФ записано, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Однако термин «уголовное судопроизводство» традиционно имеет две трактовки: как деятельность в целом по уголовному делу либо только в суде. Ответ на этот вопрос содержится в п. 56 ст. 5 УПК РФ, где сказано, что «уголовное судопроизводство – досудебное и судебное производство по уголовному делу». Выходит, что российский уголовный процесс объявлен полностью состязательным.

Подтверждением сказанного является то, что прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель отнесены к стороне обвинения (п. 46 ст. 5, гл. 6 УПК РФ) с обязанностью осуществления уголовного преследования, направленного на изобличение подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления (п. 56 ст. 5 УПК РФ). Уголовное преследование, будучи неотъемлемым атрибутом состязательности, закреплено отдельно в гл. 3 УПК РФ. В противовес этому защитник наделен правом не только представлять, но и собирать доказательства (п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86) путем истребования документов, опроса лиц с их согласия, а также содействия специалиста (п. 3 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86). Причем заключение последнего, как результат привлечения его адвокатом, признано доказательством наряду с заключением эксперта (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Допуск же защитника осуществляется уже начиная со стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). Это позволило неко-

торым ученым прийти к выводу о существовании адвокатского расследования, которое, по мнению Е.Г. Мартынчика, «выступает как составная часть досудебного производства по уголовным делам, представляет собой новый вид предварительного расследования, который гармонично дополняет существующие его формы – дознание и предварительное следствие» [4]. Кроме того, суд отделен от данных субъектов, осуществляя правосудие и судебный контроль над досудебным производством (ст. 29 УПК РФ).

Как следствие, из УПК РФ исключены такие обязательные элементы розыскного процесса, как требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, институт возвращения уголовного дела судом прокурору в связи с неполнотой проведенного предварительного расследования и др.

Однако, объявив о состязательности досудебного производства, законодатель не сумел ее последовательно реализовать в УПК РФ в целом. Предварительное расследование по-прежнему остается розыскным, где следователь является «хозяином» дела, уполномоченным на принятие ключевых решений по нему (о возбуждении – ст. 145-147 УПК РФ, приостановлении и возобновлении – ст. 208-211 УПК РФ и прекращении уголовного дела – ст. 212-214 УПК РФ). Обеспечение прав уголовно-преследуемого лица также всецело зависит от него, а не от суда, как это должно быть в состязательном судопроизводстве. Постановка следователя в один ряд с судьей в вопросах взаимоотношений с защитой фактически означает зависимость реализации прав последней в предварительном расследовании от своих процессуальных оппонентов, что исключает «горизонтальные» (равноправные) контакты между ними. Вместо этого в УПК РФ в досудебном производстве отношения сторон строятся на основе «вертикальных» связей, в соответствии с которыми защита оказывается в ведомом от обвинения положении. Введение судебного контроля принципиально не изменило эту ситуацию, поскольку касается лишь отдельных ситуаций, возникающих в ходе предварительного расследования, и не охватывает практически полностью стадию возбуждения уголовного дела.

Наряду с этим защитник не приобрел статуса субъекта, имеющего право на самостоятельное собирание доказательств, что является одним из условий состязательного процесса. Так, перечисленные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ способы, а именно получать предметы, документы, проводить опросы лиц с их согласия и т.д. (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, ч. 3 ст. 86 УПК РФ), не указаны в ч. 2 ст. 74 УПК РФ в виде соответствующих результатов как доказательства по уголовному делу. Там нет ни опроса лица защитником, ни документов, полученных по адвокатскому запросу. Одно заключение специалиста не может исправить ситуацию ввиду

его естественно-правовой ограниченности и неспособности конкурировать с заключением эксперта.

Кроме того, собранные указанными способами защитником материалы хранятся в итоге не в адвокатской «папке», а приобщаются к уголовному делу, находящемуся в производстве органов предварительного расследования. Но при этом следователь, дознаватель вправе отказать адвокату в удовлетворении любого ходатайства, даже заявленного в порядке ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ, если, по их мнению, обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, не имеют значения для данного уголовного дела. Это привело ряд ученых к аргументированному выводу об исключении концепции адвокатского расследования из системы современного отечественного уголовного судопроизводства [5].

В УПК РФ сохранены основные институты розыскного предварительного расследования, среди которых можно выделить такие, как обязанность обеспечения следователем подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ); тайная, письменная процедура предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ); ознакомление обвиняемого по окончании предварительного следствия с материалами уголовного дела (ст. 217 УПК РФ); обязанность следователя устанавливать как обвиняющие, так и оправдывающие лицо обстоятельства уголовного дела (ст. 73 УПК РФ), возможность возврата судом уголовного дела прокурору, в том числе для ужесточения обвинения (ст. 237 УПК РФ). При этом наблюдается отчетливая тенденция по реанимированию института возвращения уголовного дела судом прокурору в связи с неполнотой проведенного предварительного расследования. Требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела по-прежнему встречается в отдельных положениях Кодекса (например, ч.1 ст. 33 УПК РФ, п. в ч.1 ст. 35 УПК РФ, ч.2, ст. 152 УПК РФ, ч.4 ст. 154 УПК РФ). На то, что УПК РФ свойственны некоторые черты инквизиционного процесса, указывает И.Л. Петрухин. По его мнению, это проявляется в увеличении срока задержания с 48 часов до 5 суток, устранении предельного срока содержания обвиняемого под стражей при его ознакомлении со всем материалами уголовного дела (ч. 7 ст. 109 УПК РФ). Инквизиционный процесс отвергает участие народа в отправлении правосудия и коллегиальность рассмотрения дел судом. Так, в УПК РФ нет института народных заседателей, а судья единолично получил возможность рассматривать уголовные дела о преступлениях, наказуемых лишением свободы на срок до 10 лет (п. 1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ).

Из изложенного следует, что базис современного уголовного процесса по сравнению с советским этапом принципиально не изменился. Доминирующее положение государственных органов свидетельствует

о высокой роли публичности в уголовном судопроизводстве, при этом работа с доказательствами так и осталась привилегией дознавателя, следователя и суда, которые не освобождены от всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ). На это, в частности, указал в одном из своих решений Конституционный Суд РФ [6].

Попытки законодателя реформировать досудебное производство привели к тому, что предварительное расследование по УПК РФ не стало состязательным, утратив при этом некоторые розыскные черты. Справедливым в этом случае является утверждение, что «созданные Кодексом коллизии будут решаться правоохранительной практикой, которая подчиняется императиву безопасности помимо или вопреки его положениям. Однако дезорганизация борьбы с преступностью в этом случае неизбежна» [7].

Таким образом, стремление разработчиков УПК РФ кардинально перестроить парадигму российского уголовного процесса к успеху не привело.

20-летний опыт действия УПК РФ показал ошибочность избранного реформаторами в 90-е г. XX в. пути. Уголовно-процессуальная деятельность не смогла стать состязательной, англосаксонской, сохранив деление на досудебное и судебное производства, образующие смешанную, континентальную модель. Сотни внесенных в УПК РФ дополнений и изменений направлены не на воплощение состязательной модели отечественного уголовного судопроизводства, а на восстановление и совершенствование ее смешанной формы. Наиболее наглядно эту тенденцию можно проследить на примере эволюции отношения законодателя к стадии возбуждения уголовного дела: от стремления избавиться от нее ввиду не состязательного характера до признания ее в качестве объективно сложившегося этапа формализованного досудебного производства с постепенным ее расширением. Вот что об этом пишут представители Омской школы процессуалистов: «...Изменился баланс розыскных и состязательных начал, но по своей сути слегка поколебленный отечественный уголовный процесс пока остается смешанным, соответствующим нашей истории и действительным задачам, стоящим перед системой уголовной юстиции страны» [8].

Несмотря на это, на сегодняшний день уголовно-процессуальная наука продолжает, во многом по инерции, развиваться в русле позиций процессуалистов, появившихся в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, условно объединенных идей всеобщей «либерализации» уголовно-процессуальной деятельности, т.е. отказа от традиционной смешанной формы в пользу состязательной в целом. При этом, несмотря на неудачную попытку перевода российского уголовного судопроизводства в англосаксонскую систему

права, другого видения этого вопроса, оформленного в соответствующую концепцию, нет, поскольку ученые, стоящие на консервативных позициях, так и не смогли определиться с тем, чем наполнить старые «меха». В результате вместо эволюционного пути развития отечественного уголовного судопроизводства мы имеем дело с активным навязыванием нам дальнейшего его революционного преобразования.

Принципиальной ошибкой разработчиков УПК РФ и поддерживающих их ученых является игнорирование исторически сложившегося на основе национального менталитета смешанного уголовного судопроизводства, детерминированного истиной, достигаемой за счет доминирования публичного интереса над частным, обусловивших двухэтапное досудебное и судебное производства. Несмотря на исключение истины и принципа публичности из УПК РФ, они продолжают оказывать свое определяющее влияние как в нормах особенной части, так и в правоприменительной деятельности, поскольку составляют «ДНК» нашего уголовного судопроизводства. Во многом из-за их действия реформаторам при наличии благоприятной общественно-политической конъюнктуры не удалось реализовать в УПК РФ состязательный сценарий, как не смогли добиться этого же законодатели других стран, принадлежащих романо-германской правовой семье.

На сегодняшний день становится очевидным, что причиной несовершенства УПК РФ является отход его разработчиков от исторической формы российского уголовного процесса. Это не значит, что сложившаяся у нас модель не подлежит совершенствованию, наоборот, выведение в ней двух системообразующих компонентов – истины и отношения государства и личности – позволяет определить в ней постоянную и переменную части. Если изменение первой из них неподвластно законодателю и только выводится им из ментальных особенностей народа, то содержание второго может быть оптимизировано правовыми средствами. Поэтому перспективный отечественный уголовный процесс должен строиться на основе следующей методологической установки – сохранения объективной истины и установления соответствующего современным демократическим требованиям соотношения публичного и частного интересов.

Таким образом, за двадцатилетний период, прошедший с момента принятия УПК РФ, процессуалисты так и не пришли к согласию в его оценке. Если в первые годы юристы в целом положительно высказывались о нем [9], то в последующем стало появляться все больше негативных отзывов [10], приведших в итоге к выводу о выполненной им роли кодекса «переходного» периода и необходимости его скорейшей замены. Так уже поступил ряд стран ближнего зарубежья, произведя вторую после распада СССР рота-

цию своего уголовно-процессуального законодательства. Например, Грузия сменила свой УПК 1998 г. на УПК 2009 г., в Армении в настоящее время ведется аналогичная работа по замене УПК 1998 г., так же как и в Киргизии относительно УПК 1999 г., Казахстан принял в 2015 г. новый УПК взамен УПК 1997 г.

Обращение к отечественной уголовно-процессуальной доктрине позволяет заключить, что в ее основе до сих пор находятся разработанные до принятия УПК РФ положения, в частности принятая в 1991 г. Концепция судебной реформы в РСФСР. При этом они во многом уже утратили свою актуальность, поскольку характеризовали смену всей правовой системы нашей страны. Очевидно, что общественно-политическая ситуация с того времени существенно изменилась, о чем свидетельствует, в частности, проведенная в 2020 г. самая масштабная с момента принятия в 1993 г. коррективная Конституция РФ.

Методологическая ошибка авторов УПК РФ состоит в том, что они, не установив системообразующих факторов уголовного судопроизводства, попытались определить его сущность через состязательность. Данная оплошность подлежит скорейшему исправлению, поскольку дает ложное представление о перспективном направлении развития уголовно-процессуального законодательства.

Главным в формировании состязательного и смешанного уголовного процесса являются вид истины, а также взаимоотношения государства и личности. Российскому уголовному процессу исторически присуща установка на достижение материальной истины, обусловившая формирование его смешанной формы с доминированием публичного над частным и наличием двухэтапного формализованного производства. Оставаясь в целом приверженной своей ментальной основе относительно вида истины, современная уголовно-процессуальная деятельность подлежит совершенствованию в части гармонизации отношений государства и личности. Об изменении в этом вопросе на современном этапе наиболее ярко свидетельствует последовательная гуманизация уголовной политики, в соответствии с которой публичный интерес в неприменении наказания виновного уравнивается частным началом, обуславливающим дифференцированную реакцию на преступления. Будущий УПК РФ должен быть разработан в рамках исторического типа российского уголовного процесса, но с качественно иным, чем в советское время, содержанием отношений государства и личности, основанным на взаимном учете их интересов.

Идея абсолютизации публичности с поглощением ею всего индивидуального не соответствует требованиям правового государства. Частное не является элементом общественного, а выступает самостоятельным аспектом уголовного процесса. В связи с чем

обосновывается автономность существования личного начала по отношению к коллективному и необходимость их разграничения в целом. Вместе с тем очевидно, что на сегодняшний день этого явно недостаточно. Помимо констатации принципиального различия между ними в праве, следует урегулировать вопрос антагонизма рассматриваемых ценностей друг другу, обусловленный их диалектической сущностью.

Этот вопрос в юридической литературе традиционно разрешается как правило через призму их «соотношения», «компромисса» или «баланса». Первый из них лишь констатирует наличие контакта между данными положениями, принципиально не разрешая проблему их противостояния. Второе понятие означает соглашение на основе взаимных уступок, которое является временной мерой по решению конфликта и потому не подходит для его урегулирования в долгосрочной перспективе. Этой цели соответствует лишь баланс, предназначенный для поддержания в равновесии противоположных явлений.

На сегодняшний день в науке всесторонне обоснована теоретическая и практическая ценность идеи баланса, позволяющая на основе учета соотношения публичного и частного уравнивать данные ценности, тем самым сглажив их антагонистическую сущность, что обусловило его широкое применение как в законодательстве, так и в деятельности Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. В частности, первый из них в своих решениях неоднократно указывал законодателю на необходимость обеспечения указанного положения, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, а также судами при осуществлении правосудия по уголовным делам. Верховный Суд РФ также использует баланс как в постановлениях Пленума, так и при разрешении его президиумом конкретных уголовных дел. Ввиду объективной социальной значимости указанного положения, оно впервые в 2020 г. получило нормативное закрепление в ст. 75.1 Конституции РФ, посвященной созданию условий взаимного доверия государства и общества, одним из которых является «сбалансированность прав и обязанностей гражданина».

Изложенное позволяет утверждать, что за постсоветский период подходы законодателя, теоретиков и правоприменителя к пониманию места и роли общественных и частных ценностей в уголовном производстве принципиально изменились. Во-первых, проявилась тенденция «автономизации» личного начала, которое все больше рассматривается не как элемент публичности, а как самостоятельная движущая сила уголовно-процессуальной деятельности. Во-вторых, качественно преобразилось представление о соотношении индивидуального и коллективного. Если первый из них в советское время играл незначитель-

ную роль, то сейчас ему придается неизмеримо большее значение. Но при этом фактор частного хотя и заметно возрос, однако не стал в уголовном процессе преобладающим, как желали того реформаторы 90-х годов прошлого века, а поднялся только до равной ценности с публичным, что привело к формированию концептуальной идеи баланса.

Таким образом, УПК РФ, изначально ориентированный на реформирование российского уголовного процесса в состязательную (англосаксонскую) модель, фактически утратил такую направленность. Дополнения и изменения, внесенные в Кодекс, укрепили традиционную континентальную (смешанную) форму отечественного уголовного производства с четким разделением досудебного и судебного этапов. При этом в развитии современного российского уголовно-процессуального законодательства прослеживаются два вектора. С одной стороны идет активный и непрерывный процесс изменения действующих норм, заметно преобразующий уголовное производство не только в сравнении с советским периодом, но и с первоначальными положениями УПК РФ. С другой стороны, в своих сущностных свойствах порядок расследования и рассмотрения уголовных дел принципиальной трансформации не претерпел, оставаясь в исторической форме романо-германского типа.

Литература:

1. Гуценко К.Ф. Судебная реформа: истоки, некоторые итоги и тенденции // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1995. № 5. С. 10;
2. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / Г.Н. Ветрова, Л.Д. Коко-рев, Ю.В. Корневский, А.М. Ларин и др.; под ред. В.М. Савицкого. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1990. С. 5.
3. Закон «О статусе судей в СССР» (4 августа 1989 г.), Закон «Об ответственности за неуважение к суду» (2 ноября 1989 г.), Закон «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан (2 ноября 1989 года), Закон «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (10 апреля 1990 года), существенно расширивший права подозреваемого и обвиняемого на защиту.
4. Визин С.Е., Куцова Э.Ф., Ларин А.М., Михайловская И.Б., Морщакова Т.Г., Пашин С.А., Петрухин И.Л. и Стецовский Ю.И. Концепция уголовно-процессуального законодательства РФ. // Государство и право. 1992. № 8. С. 50.
5. Мартынич Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования: учеб. пос. - М., 2012. - С. 121.
6. Ковтун Н.Н. Рецензия на книгу: Пастухов М.И. Реабилитация невиновных: основы правового института. - Минск, 1993 // Государство и право. 1994. № 8-9. С. 224;
7. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С. 143-145;
8. Деришев Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. - Омск, 2004. С. 262-265.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. №13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7,15,107,234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Мишин Г.К. О коллизиях уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики // Государство и право. 2002. № 10. - С. 100.
11. Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. - Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. - С. 24.